

ВТОРИЧНОЕ НОРМИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ.

Важнейшим элементом социальной реальности являются предвидения и ожидания. Еще не реализованные действия других лиц составляют основу нашего поведения. Оно, подчас тоже еще не ставшее фактом, уже принимается в расчет кем-то третьим, тот строит на этой основе свои планы и т.д. Люди в своих осуществленных и возможных деятельностных проявлениях оказываются взаимозависимыми. Они вынуждены жить, используя своего рода «кредит доверия», даваемый им друг другу, и для этого подчиняют свои поступки социальным нормам - правилам поведения, сложившимся в соответствующих социальных группах. Следование нормам и придает некой сумме индивидов новое качество, делая их тем, что принято называть обществом.

В результате обострения различных противоречий окружающей действительности социальные нормы периодически нарушаются, что вносит в систему общественных отношений элементы рассогласованности. Нарушение социального установления затрагивает общественные индивидуальные интересы. Это создает основу для «ответного удара», направленного против субъекта отклоняющегося поведения. В итоге возникает конфликт, который в силу присущей явлениям такого рода внутренней динамике склонен к саморазвитию по типу цепной реакции. Почему же эта тенденция реализуется далеко не всегда и значительная часть социальных конфликтов «затухает» после первых же «обменов ударами», либо во всяком случае не выливается в «борьбу» до последнего патрона? Представляется, что важнейшим фактором, который тормозит развитие конфликтов уже на начальных стадиях, служит так называемое «вторичное» нормирование — упорядочение ответных конфликтных действий. Здесь очерчиваются границы ситуации, в которой разрешается или даже требуется то, что при обычных обстоятельствах запрещено. В этом контексте ответная

реакция пострадавшей стороны выглядит не как «рядовой» элемент взаимной враждебной деятельности. Она приобретает совершенно иное качество – становится с а н к ц и е й, получая в результате этого позитивную социально-нравственную окраску.

Вторичное нормирование, определяющее характер возможного регулирования на исходные конфликтогенные действия, относится в основном к поведению субъекта, интересы которого пострадали. Однако опосредовано оно обращено к нарушителю социальной нормы и решает при этом две взаимосвязанные задачи. Во-первых, будучи дозированными, ответные действия (санкциг) складываются в определенную шкалу и тем самым создает некую информационную базу предупредительного мотивирующего влияния. Во-вторых, являясь заранее «обещанными», при их применении они выглядят в глазах инициатора конфликта не как «акт произвола», а как результат срабатывания социального механизма, который «запустил» он сам. Тем самым в большей или меньшей мере ликвидируется основа для претензий к санкционирующему субъекту, при условии, если тот не вышел за пределы, очерченные вторичной нормой¹. [См. 1].

Нормирование санкционирующего конфликтного поведения дает ответы на следующие основные вопросы.

Кто может выступать в роли санкционирующего субъекта и чем является для него эта деятельность – правом или обязанностью?

Что может делать санкционирующий субъект – определение содержания и меры «ответного удара».

Как должна протекать его деятельность – публично или закрыто, в какой последовательности осуществляется ее этапы и т. п. [2].

Попытаемся проанализировать каждый из этих вопросов более подробно.

¹ В этой связи достаточно показательными являются результаты социологических исследований, проводившихся за рубежом, которые фиксируют, что поводом для массовых форм протеста осужденных является не сам факт применения администрацией тюрем каких-либо карательных мер, а прежде всего то, что прибегая к ним, она действует «не по правилам».

Кто и когда является санкционирующим субъектом? Наиболее просто и логично выглядит ситуация, когда эту роль играет сам пострадавший. Подростку разрешается «дать сдачи» своему обидчику, кредитор вправе разорвать отношение с клиентом, который с опозданием вернул долг и т. п. Это карающий ответ или возмездие того, кто чувствует себя ущемленным лично. В акции такого рода нередко включаются представители группы, членом которой является потерпевшая сторона (внешнее санкционирование). Причем в большинстве случаев здесь речь идет не о холодном расчете («я помогу тебе, чтобы при надобности ты помог мне»), а о сложных и трудноуправляемых социально-психологических процессах, основанных на чувстве мы² [3], которое формирует эмоциональную базу групповой солидарности и преопределяет ощущение личной сопричастности к нанесенной кому-то обиде. Многочисленные и трагические примеры такого плана дали в нашей стране столкновения на национальной почве, которые, возникая подчас как межиндивидуальные, перерастали затем в межгрупповые и межнациональные, втягивая в свою орбиту тысячи людей. Появление социального фона усиливает нормированность карательной реакции и нередко превращает ее из права в обязанность потерпевшего – «мужчина не может оставить это без ответа», «месть – дело твоей части» и т.п.

Очень распространенным является такой вариант, когда в роли санкционирующего субъекта выступает группа в целом по отношению к своему члену («внутреннее санкционирование»). Она осуществляет эту деятельность не только когда конфликтогенное действие посягает на общие блага, но и в таких ситуациях, когда, например, потерпевшая сторона слишком слаба и не способна себя защитить, либо межиндивидуальное столкновение угрожает интересам третьих лиц и групповой безопасности.

Социальные общности существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, в какой мере они интегрируют в себя личность. Одни из

² О социально-психологической природе этого феномена см. [3].

них носят узкоцелевой характер (общество нумизматов), другие «поглощают» индивида в гораздо более разнообразных его проявлениях (школьный коллектив). Группы склонны санкционировать ту деятельность, для осуществления которой они созданы. Поэтому первые выступают в такой роли сравнительно редко, вторые – гораздо чаще. И наибольшая активность в этом плане характерна для общностей, в рамках которых индивиды реализуют свои основные (или практически все) социальные функции – семья, община, государство.

Санкционирование со стороны группы не означает, что в конфликт, порожденный нормативным отклонением, втягиваются все (или большинство) ее членов. Нечто подобное характерно лишь для небольших обществ с достаточно примитивной структурой (санкции типа забрасывания камнями). Иногда роль проводника общественных интересов берет на себя случайные лица (тот, кто стал очевидцем нарушения), либо субъекты, отличающиеся повышенной общественной активностью. В более или менее крупных социальных образованиях для выполнения этих задач формируются специализированные инстанции, которым представляется право поддерживать порядок от имени входящих в данную общность индивидов.

И, наконец, третьим из числа наиболее типичных субъектов санкционирования является, по-видимому, сам нарушитель нормативного предписания. Его активность в этом направлении может предопределяться различными обстоятельствами. Среди них одним из наиболее объяснимых можно признать стремление избежать внешней и нередко более серьезной кары либо желание смягчить ее. Нарушивший дисциплину работник, добровольно покидает предприятие с тем, чтобы в трудовой книжке не появилась компрометирующая запись. Провинившийся ребенок отказывается от прогулки на улице для того, чтобы продемонстрировать матери «раскаяние» и смягчить ее гнев. В основе «самосанкционирования» зачастую лежат иные более тонкие поведенческие механизмы. Согрешивший верующий подвергает себя изнурительному «очищению», допустивший

малодушие офицер кончает жизнь самоубийством – примеры такого рода наглядно демонстрируют тот факт, что применение «наказаний» к самому себе подчас предопределено разладом с собственной совестью и стремлением сохранить свое доброе имя в обществе.

Здесь перечислены наиболее типичные, однако далеко не все субъекты санкционирования. Они могут выступать в разнообразных сочетаниях и их фактическая роль в реагировании на отклоняющееся поведение существенно различается в разных социальных общностях. В качестве тенденций могут быть названы, по меньшей мере, следующие обстоятельства. С увеличением масштаба социальной группы, усложнением ее структуры и возрастанием тоталитаристских начал в ее жизнедеятельности карательная система становится более бюрократичной и ее основные рычаги отчуждаются от непосредственных участников возникающих социальных конфликтов. Все большее число нарушений перестает быть «личным делом» тех, кого они непосредственно касаются. На первый план выходят общегрупповые управляющие инстанции, роль которых в осуществлении карательных функций становится доминирующей. Соответственно снижается вариативность «срабатывания» санкционирующего механизма – применение карательных мер все в большей мере из права превращается в обязанность уполномоченных на то лиц, отказ от выполнения которой в свою очередь возводится в ранг социального отклонения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Средства, которые дозволено применять для реагирования на конфликтогенные действия (т. е. использовать в качестве санкций), с точки зрения содержания чрезвычайно разнообразны. Вместе с тем при их характеристике могут быть выделены некоторые моменты, которые отражают общие закономерности, проявляющиеся в формировании этих средств социального регулирования.

Особого упоминания заслуживает принцип соответствия нарушения и санкции, как фактор, который оказывает значительное формирующее

влияние на содержание и меру последней. Он проявляется в двух основных формах: как реституция и как причинение вреда, аналогичного нанесенному. В первом случае суть ответа на конфликтогенное действие заключается в возложении на нарушителя обязанности возместить нанесенный ущерб. Предупредительный эффект таких санкций предопределен тем, что возврат системы социальных отношений в первоначальное состояние нередко требует от нарушителя значительных усилий. Во втором случае санкционирующий субъект прибегает к карательным мерам, которые по своему содержанию аналогичны содеянному («око за око»). И то и другое воздействие основано на природе нарушения и представляют собой как бы его «воспроизведение» в поведении либо наказываемого либо наказывающего. Эти подходы наиболее отчетливо проявляются в регулировании конфликтов, участники которых обладают одинаковыми (или во всяком случае сопоставимыми) возможностями защиты своих интересов. Не случайно они широко использовались в карательной практике на первых этапах развития человеческой цивилизации (об этом см. подробнее [4,5,6]), когда нарушитель «мира» нередко рассматривался как органическая часть соседней родовой группы, которая, в отличие от конкретного индивида, имела потенциал, достаточный для противодействия карательным мерам, выходящим за пределы того, что было совершено ее представителем.

Не менее значимой является такая тенденция как иерархичность в построении каталога санкций. В любом обществе и каждой его социальной группе существует некая дифференциация нормативных предписаний в зависимости от ценности защищаемых ими объектов. В результате следования принципу соответствия наличие такой дифференциации объективно приводит к тому, что санкция выстраивается в определенную систему – при нарушении более значимых для данной группы норм применяются и более серьезные карательные средства. Иерархичность в построении санкций предопределяется также и потребностями удержания – при одинаковом реагировании на разные поступки нарушитель будет

склонен действовать «по максимуму», ибо это не грозит ему претерпеванием более значительных тягот.

Указанные выше тенденции далеко не всегда находят последовательное воплощение. Причиной тому служит уже то обстоятельство, что карательное воздействие имеет некие границы, которые могут «задаваться», например, характеристиками наказываемого субъекта (неимущего нельзя подвергнуть штрафу, убийцу трех человек нельзя лишить жизни трижды) либо полномочиями санкционирующей инстанции (родители не могут выйти в применяемых ими наказаниях за определенные пределы, каким бы тяжким не был проступок их ребенка). Кроме того, отдельные наиболее важные и почитаемые нормы нарушаются настолько редко, что для их охраны вообще не устанавливается специальной ответственности (запрет кровосмешения).

И, наконец, последняя группа вопросов, решаемых в ходе нормирования. Это процессуальное оформление «Карательного ответа» на конфликтогенные действия. В той или иной мере оно свойственно методам осуществления социального контроля практически на всех его уровнях, начиная от государства, где на сей счет существуют целые комплексы детализированных норм, и, заканчивая группой подростков, которые, прибегая к «санкциям», руководствуются при этом своими представлениями о «честных» формах их реализации.

Процессуальные предписания (что необходимо и достаточно для обвинения кого-либо в нарушении принятых норм, надо ли распространять эту информацию, должна ли пострадавшая сторона защищать себя самостоятельно либо может прибегать к содействию иных субъектов и т.п.) отчасти выглядит лишь как ритуальное «украшение» конфликтной деятельности. Однако на самом деле они выполняют весьма важные стабилизирующие функции. Это находит свое проявление уже в том, что между совершенным нарушением и следующей за ним карательной мерой появляется «нечто», какая-то процедура, которая уже в силу самого факта

своего существования служит препятствием спонтанному и необдуманному реагированию. Кроме того, процессуальные веления в большинстве своем прямо направлены на создание условий для получения объективной информации о содеянном и такого решения конфликта, которое удовлетворяет сложившимся в данной социальной общности понятиям справедливости.

Значительная часть предписаний процессуального плана тяготеет к тому, чтобы придать ответной конфликтной деятельности публичный характер и довести информацию о ней до сведения членов данной социальной общности. Помимо создания дополнительных гарантий для защиты наказываемого от злоупотреблений со стороны санкционирующего субъекта такой порядок способствует решению назидательно-устрашающих задач и канализирует возникающие при совершении нарушения карательные притязания, обеспечивая их реализацию в социально приемлемых формах.

Важным характеризующим признаком нормирования процессуальных вопросов является также его нацеленность на создание предпосылок для «мирного» разрешения конфликта либо обозначение момента его прекращения. Примером тому могут служить самые разнообразные предписания, начиная от народной аксиомы о том, что «лежачего не бьют», заканчивая возложением на судью обязанности принимать меры к примирению сторон при рассмотрении дел так называемого «частного обвинения». Столь же распространенными являются и нормы, фиксирующие границы карательного преследования – рукопожатие и другие ритуальные жесты, символизирующие прощение, правило о «снятии» через определенный срок ранее наложенных взысканий и т.п. Все это акцентирует внимание на том, что соответствующий конфликт считается исчерпанным, и тем самым создаются дополнительные психологические «тормоза», нейтрализующие возможность его эскалации.

Литература

1. Trotha, T. Recht und Kriminalität, Tübingen, 1982. S. 89
2. Popitz, H. Die normative Konstruktion von Gesellschaft. Tübingen. 1980. S. 50.
3. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. с. 103.
4. Энгельгардт М. А. Процесс как эволюция жестокости. Спб. 1899.
5. Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М., 1926.
6. Шляпочников А. С. Происхождение уголовного права и его развитие в докапиталистических формациях. М., 1932.